

18+

ЕКАТЕРИНА ПОЛУХИНА

Ива не ломается на ветру

Екатерина Полухина

Ива не ломается на ветру

«Издательские решения»

Полухина Е. И.

Ива не ломается на ветру / Е. И. Полухина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985096-6

Всегда считала и считаю, самое прекрасное на земле — это любовь. К себе, Богу, родным, близким, противоположному полу. Но, как правило, за любовь приходится почти всегда бороться. И получается, что чувство это, данное человеку свыше, как бы своеобразный приз. И всё зависит, как ты удачлив в этом. Мои герои — обыкновенные люди, и им приходится всё время быть начеку, чтобы не потерять свою любовь. Для этого нужны сила духа, воля и, конечно же, огромное горячее сердце.

ISBN 978-5-44-985096-6

© Полухина Е. И.
© Издательские решения

Содержание

«Каждый – сам кузнец своей жизни»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ива не ломается на ветру

Екатерина Ивановна Полухина

© Екатерина Ивановна Полухина, 2020

ISBN 978-5-4498-5096-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Каждый – сам кузнец своей жизни»

Знакомый лингвист рассказывал, что в древности у поляков – «урод» означало – красавец, т. е. уродившийся. Удавшийся. Как говорят – удался. Не ребёнок, а картинка! И физически здоров.

Уродом называли первого ребёнка. Урод – стоящий у рода, под защитой. Семейей называлась пара, только после рождения первенца.

«Урода» – это на некоторых славянских языках означает «красота». Первый всегда был самый красивый. Т. е. пословица звучать будет так: «Семье не быть без первого ребёнка».

Позднее выражение стали употреблять в негативном значении, каким оно и дошло до нас.

На Руси эта пословица пошла со времен царя Иоанна Грозного, когда он поехал по монастырям и, у него глаза на лоб полезли. Ибо и монахи, и служители культа выше, превратились в пьяниц, развратников, гомосексуалистов, а попытка еще монастыри сделать и тюрьмами, привела к тому, что это был рассадник и убийц, и разбойников.

Разгневанный царь вообще готов был стереть все монастыри с лица земли, но те же опричники утешали его, да прости ты их царь, в семье не без уродов.

Сочетание отрицательной частицы не с предлогом – без, который тоже выражает отрицание, имеет противоположный смысл – утверждения: Не без урода, т. е. с уродом, имеется ввиду урод (выродок).

Урод – кто-либо, имеющий физические или нравственные недостатки. Говорится с сожалением или снисхождением о том, кто выделяется в семье или коллективе своими качествами (чаще дурными). Вот и моя история про таких уродов моральных.

На деревне в шестидесятых счастливым человеком считался семьянин с детьми, имеющий дом, скотину. Хорошая тягловая лошадь, чтобы и огород вспахать можно было, и съездить в гости в соседнее село. Работа не пыльная, это неплохо, но, сколько за неё заплатят? Восемьдесят рублей.

А вот, к примеру – доярка, тракторист, комбайнер, тут другое дело. Тут сдельная оплата. Потопаешь хорошо и триста в месяц твои, да годовых тысячи полторы. Оно и неплохо. Себя и детей одеть – обути можно не хуже городских, и жену нарядить, как конфетку.

Одно плохо, работать приходится, можно сказать сутками. Особенно с ранней весны и до белых мух. Да и это, если ты работаешь на земле. Тракторист, комбайнер. Значит до снега. Зима давала передых, но всё равно без работы никто не оставался. Где уж тут уроками с сыном, или дочкой заняться, выспаться, как следует, не получается.

Если же ты работаешь на ферме, тут считай труба. Круглый год работы не почайтый край. Только успевай, поворачивайся. Животные, они же, как и люди. С одной

стороны еду подносишь, с другой отходы уносишь. Но, если человек со всем этим справляется сам, то животные без его помощи обойтись не могут. Получается, каждый вид взаимосвязан и зависит друг от друга. Кто кого приручил, тот и в ответе.

И дети, получается, росли сами по себе. Ну, если дети послушные, да совестливые, оно и бес присмотра родителей всё получалось, как нужно. Были в этом селе – «Семёниха» такие семьи. Например, у Ивана и Марии Крайновых. И подворье у них от фамилии. Крайнята. Семь детей, а беды от них ни какой не увидишь. Друг за дружку горой стоят. Братья сестёр в обиду не дадут никому, да и младших никто не смей тронуть. Враз, сопатку начистят, даже, если и старше них самих обидчик окажется. Ведь их четверо братьев, а значит – сила.

Скотину у правят, не хуже взрослых, печку натопят. А иной раз и ужин на столе окажется, по приходу отца да матери с работы. Ну, что ещё нужно родителям, чтобы благодарить бога за счастье своё? Живи и радуйся, да не обижай детей, чтобы в старости не оглянуться. А, оно – то и поздно уже. Детей нужно любить. Ведь говорят же, чтобы не мёрзнуть в старости самому, нужно не дышать холодом на детей с измальства.

У Фрола и Насти Рябовых (Рябые) детей пятеро, но тоже смирные, работающие. Переверзевы Анна и Григорий (Борисчевы, по отчеству хозяина) десять пострелят народили, но плохого о них никто и ничего сказать не может. Уважительные, грамотные, вежливые. Почёт и слава таким родителям. И детям похвала.

А если наоборот, то, тут уж считай, вам не повезло. Но ведь у нас у каждого счастье своё, в смысле, каждый счастлив по – своему. Кто – то на столе имеет приличную еду и ему этого достаточно. Другой – счастлив детьми. А третий: обувь и надеть есть что, и дети не хуже, чем у других; дом, жена (или муж), хозяйство справное, а ему всё кажется, не хватает чего – то.

Вот и в нашей деревне были такие люди. Жили – не тужили. Деток растили, на хлеб насущный зарабатывали на ферме. У других дети с утра до ночи трудятся вровень с взрослыми, а их дети со школы пришли, уроки выучили, и можешь заняться, чем душа твоя просит.

Если же родителей на тот момент нет дома, так можно и уроки не учить. Дома баба с дедом, так это пустяк. Навешал им лапши на уши, мол, нужно идти собирать макулатуру, или же металлолом и сойдёт по первому классу. Да ещё по приходу с этого, так называемого благородного дела, тебя вкусно накормят и отправят спать, не заикнувшись об уроках. На самом же деле ты балду прогонял всё это время.

Но старики не знают, ведь об этом и жалеют своих внуков. Устали бедняги, полдня бегаючи – то по школьным заданиям. Ведь дети ещё же. А на что оно детство – то дадено? Бегать, дурачиться, ловить рыбу, загорать летом, или кататься с горы зимой. Горб натруждать, ещё придёт время.

А пока же душа этих детей просила простора, свободы от всего земного, как они тогда понимали своим ещё совсем зелёньким умишком. Что это за свобода,

они ещё не знали хорошо. Главное, чтобы взрослые не вмешивались в их жизнь. Хотя бы после школы, да, когда дети на каникулах.

Вот пятеро ребят из таких, так называемых благополучных семей, сколотили группу по интересам. К ним пристрял ещё один переросток, года два, как окончивший школу, но никуда не поступивший учиться из за своей природной лени.

Он стал у них, как бы заводилой. Старше по годам, да и уже поднаторевший в жизненном опыте. Как то, умел курить уже, не редко замечен был выпивши. Да и много ещё, каких качеств имел, которые могли привести со временем его, по всей видимости, в места не столь отдалённые.

Но ребятам, прибившимся к нему, как раз это было и интересно в нём. Он учил их, по их же мнению настоящей жизни, а не той, тошнотворной, которой учили взрослые. В большинстве случаев, дед и баба. Родителям было некогда.

Так им тогда казалось. Этим романтикам своей, расстилающейся перед ними большой дороги.

Пристанищем себе они выбрали одинокое огромное дерево, что росло за селом, прямо у околицы. Да, как раз между двух сёл. Семёниха и Копушино. Расстояние между ними всего километров десять, если по прямой. Да тут дорога эта самая – то и проходила. От последнего дома Семёнихи, до первого дома Копушино, как раз десять километров.

Дерево это было раскидистым, с густой кроной. И они, приложив все свои старания и умение, сделали из него настоящее гнездо.

Связав верхушки веток и, настелив на толстые сучья всякого строительного хлама, в виде обрезков досок и фанеры, что валялись на пилораме. Переплетя всё это проволокой, они соорудили, прямо скажем – шатёр. Из дома принесли подушек, телогреек. Кто – то приволок, даже одеяло ватное.

Чтобы не мочил дождь, всё это богатство, накрыли стащившими из дома клеёнками. Для того чтобы забираться туда, соорудили верёвочную лестницу, которую затаскивали каждый раз с собой наверх. Хотя это было излишним в их ситуации. Место здесь было безлюдное. Так ктонибудь в соседнее село проедет на велосипеде ли, пешком, а то верхом на лошади. Но это случалось редко.

Здесь они проводили всё своё свободное время.

Родители, прознав про это их гнездо, не заругались, так как беды в этом не углядели. Просили детей об одном, не свалиться, да не поломать себе руки – ноги. Ну и главное, чтобы не пострадала в первую очередь – голова. Хотя, вот об этом, им нужно было задуматься в первую очередь. Может эта голова у них уже была повернута не туда, куда нужно.

И сразу же. Ведь ребятам по шестнадцатому году, не малые дети, что в ясли ходят. Но, как говорится, каждый, сам себе кулик в своём болоте.

Село, это не город, где никто и никого не знает почти. Здесь же полторы тысячи человек и фамилий, одинаковых уйма. К примеру, Мальцевых – пятнадцать дворов.

Как их озвучить, чтобы попасть именно на нужных? Поможет подворье. У одних Мальцевых хозяйство добротное, значит, и кличут их – Куркули. Другие хорошо умеют разводить гусей, значит – Гусевы. Конечно же, это всё между кумушками. А так, в глаза уважительно по имени, отчеству. В школе различают детей, на первый второй, если дети бывают одной фамилии и по имени одинаковые.

(Кольца) Николай Стеблов рос в полной семье, где было двое детей. Он и сестра старшая Татьяна. Недавно вышла замуж в город. Парень он видный, самолюбивый и самовлюблённый. Часто смотрелся в зеркало, любясь собой. Он, даже и сюда притащил кусок и приладил его на большом суку. В школе не терпел никого, кто не замечал в нём привлекательности. Сермяги – процедит он в след любому такому человеку, сплюнув сквозь зубы. Не разбираются они в красоте человеческой. Одним словом, серость.

Витька Рогов (Клуня) получил свою дразнилку за то, что был медлителен и неповоротлив. Но, как говорят – глухой, когда просят – Дай. А, если говорят – На, то слух оказывается отменный. Так и Витька, копушей был, когда просили помочь его. В остальном он мог дать любому фору по швыдкости.

Но дразнить от этого его не перестали, а он не обращал на это внимания. В семье кроме него, было ещё трое детей, и его неповоротливость очень выручала самого Витьку. Чем ждать, когда он повернётся, лучше самому сделать, считали его братья и сёстры.

Мамон (Генка Рябов) был в семье один у родителей. Дразнили Мамоном его деда за то, что имел огромный, пивной живот. Эта кличка перешла к отцу Генки, а затем и ему самому. Парень он был худющий, бледный. В деревне про таких говорят – сблеванный. Что было в нём симпатичного, так это, василькового цвета глаза.

(Корявый) Васька Теплов, прозванный так по деду. У деда его Прохора пальцы отрезало пилорамой. Остались одни окорёнки. Крепкий парень, сбитый, словно мешок с мукой, он имел румяные щёки, пухлые губы и непокорный никаким расчёскам чуб. В семье росли с ним ещё два братишки, Вовка и Петька. Ну да они, ещё мелюзга. Девять и семь им.

Мишук Лахин выглядел лет на семнадцать. Ростом парень удался в отца. Косая сажень в плечах. Только нескладный, какой – то. Словно сработали его топором. Весь какой – то углами. И имел врождённый порок сердца.

А вот брат его Гришка, был красавец, можно сказать, но слабенький на голову. В младенчестве упал с печного коменя. Ударился головой об пол и, видно, что – то стряслось там у него. Отчего он всё время улыбался и ковырял пальцем в носу. Но был абсолютно безобиден и безопасен. Хотя в школу, его в своё время не взяли, из за поставленного врачами диагноза. Шизофрения.

Красавица Валюша – их сестра, обещалась с годами превратиться в настоящую диву. И братья её просто обожали. А Михаил, так переживал за неё намного больше даже, чем мать. И, кажется, готов был ради неё на всё.

Дупель (Иван Сорокин) рос один в семье без отца. Мать его горбатилась на ферме, чтобы чаду её жилось не хуже тех детей, которые росли с отцами. А он, вместо того, чтобы, хоть чем – то ей помочь, гонял чай с приятелями. Пил пиво,

курил «Беломор», а иногда выпив, что покрепче, мог и наподдать мамке своей взрослому. Ведь восемнадцать почти стукнуло. Считай мужик.

Мать его, женщина беззлобная и терпеливая, всё выходки его сносила молча. Только пеняла сыну иногда, чтобы вёл себя приличней, хотя бы с чужими людьми. А то, ведь посчитают тебя хуже других. Да, чтобы учиться пошёл на когонибудь. Не будешь же ты вот так – то бузить всю жизнь. А жизнь, она короткая. Не успеешь моргнуть, старость пожалует. Значит, нужно успеть и пожить.

Но он учиться не хотел. В Армию его не взяли, так как считался единственным кормильцем в семье. Любил пойти пострелять из ружья, оставшегося от деда и кличку свою заработал тем, что всегда говорил: Да я дупелем, вместо – дуплетом, как жахну. Он и скопытился (заяц, утка, гусь).

Вот эта кампания поселилась в этом самом гнезде, где и проводила большую часть времени. Летом они могли, даже там заночевать. Родители, зная об этом, очень, чтобы уж не беспокоились. Да пусть себе бузят, главное, чтобы беды никакой не наделали. А так, детство, оно на то и есть детство.

То, что они очищали по ночам чужие огороды, сады – страшным преступлением не считалось. Так, опять же баловство. Кто и из них самих не грешил этим в детстве.

Если же, кто из сельчан был недоволен ими серьёзно, родители несли хозяйину бутылку самогона и, вместе выпив мировую, с песнями расходились по домам. А дети, понимая, что им сходит всё с рук, могли уже и гуся чужого поймать и зажарить на костре.

Вкусноооооо! Мясо пахло дымом, чабрецом и всевозможным разнотравьем, каким богат Чернозёмный край. От нечего делать они, уплетя этого гуся, принимались играть в дурачка. Или травили анекдоты. Летом до посинения купались в речке Потудани, загорали на белом песке. Ловили по норам раков, или, стащив у деда Акима, заядлого рыболова бредень из сарая, ловили сазанов да щук, которыми речка просто кишела.

Плохо, что после рыбалки бредень бросали, тут же на берегу, чем очень сердили деда и получали от него набор отменных матюгов. Но это их не останавливало и они раз от раза продолжали свои набеги на его снасти.

В том году они закончили в своём селе восьмилетку и почти все собирались поступать в одно и то же ремесленное училище. А, если точно, трое.

Находилось оно в районе, километрах в пятидесяти от дома. На техникум знаний они не напасли, а слесари, столяры, и строители из них могли бы получиться. Ну, конечно же, если выбить их природную лень и дурь тоже.

В общем, каждому из них нужен был Макаренко, чтобы они стали людьми. Но пока что, у них был этим Макаренко – Дупель и учил он их далеко не тому, чему нужно.

Прямо у самой околицы, в последнем доме села жила молодая семья. Муж Егор Новосёлов, жена его Маруся и дочка их, девяти с половиной лет Варька.

Лет им было самим, чуть за тридцать. Жили они неплохо, но уж больно Егор ревновал свою Марусю. Ну, можно сказать, к каждому столбу. Девка она, конечно, была видная собой. И фигурка, и ножки, что надо. Копна золотистых волос, синева глаз. В общем, всё при ней.

Сам Егор, уж чтобы красавцем не слыл, но был работающий, непьющий. Чуб вороного крыла, смуглокожий, белозубый. В общем, тоже нормальный мужик.

А Варька их, взяв от каждого понемногу обещала, быть просто красавицей. Но пока, бегала в коротеньких платьицах, с разбитыми коленками, замазанными старательно матерью – зелёнкой, или же йодом. И, не мигая почти, смотрела своими смородиновыми глазами на этот непростой мир.

Егор был родом из Семёнихи, а Маруся из соседнего Копушино. Сёла разделяла околица. Маруся там жила в крайней избе, Егор здесь. Молодёжь соседская гуляла по лугам вечером, вот они там и встретились. Погуляли какое – то время, да и поженились.

Родители Егора купили себе домик попроще, а сыну со снохой оставили свой добротный пятистенок, как молодой семье. Да, ведь у них же Варька ещё была, а это много значило. Полноценная семья. И невестку они, можно сказать, даже уважали. Не смотря на молодость. Настоящая баба, мать, а не пустоцвет какой – то, как некоторые.

У Маруси в Копушино осталась мамка с младшим братишкой, (отец умер) по которым она очень скучала. Даже, имея уже свою дочку. И она частенько, напрямиком через околицу бегала к своим родным. Молодая женщина. Что такое для неё десяток километров? Да плюнуть раз и ты там уже. Полчаса хорошего хода летом туда, полчаса оттуда, ну плюс ещё пусть минут пятнадцать – двадцать. Зато можно у мамки часик погостевать, оскомину разлуки сбить. Часто, конечно же, не получалось ей сбегать к ним, но летом она старалась раза два за месяц укротить время, в обеденный перерыв.

Бежит себе Маруся по дороге, ветерок проказник треплет её роскошную шевелюру, задирает подол сарафана в мелкий цветочек. Потом бьёт этим подолом по её стройным ногам. Иногда ей так весело, что петь хочется. И она поёт, размахивая шёлковой, весёлой косынкой. Кругом, куда ни глянь, ни души.

Впереди, хоть и далеконько, виден родительский дом. Посреди пути, как анчар у Пушкина, дерево с гнездом наверху. После того, как мальчишки собрали все ветки, считай в узел, оно и правда, было, похоже на необыкновенное. Только, там яд, а здесь баклуши бьют великовозрастные лентяи. Хотя ничегонеделание к хорошему не приводит. Только труд облагораживает человека.

Придумают же оболтусы, – усмехается она. Лишь бы не делать ничего дома. С глаз долой из сердца вон. Не видят их родители, и заставлять помочь некого.

Разрумянится Маруся от быстрой ходьбы, что спелое красное яблоко. Махнёт ребятам рукой, да ещё и крикнет, чтобы не свалились со своего насеста,

а то руки – ноги долой. Да и голова им ещё пригодится, ведь не жили ещё почитай на свете. А свет этот по – своему прекрасен.

Ну, молодёжь тоже крикнет ей, чтонибудь в ответ и на этом всё и закончится. А Дупель всякий раз усмехнётся своей загадочной улыбкой и скажет: Хороша Маша, да не наша. А могла бы и нашей стать, да вы ведь ещё зелень пузатая. Куда вам во взрослую жизнь.

Ребята насупятся, а кое – кого и краска зальёт кумачом. Уж от чего неизвестно. Дупель, ты чё? Да она же замужем. Варька у неё. И не такая она совсем, чтобы с ней вот так можно было. Нет. Хорошая она тётка.

Ну, а Дупель и не настаивает на другом. Хорошая, так хорошая. Да так я, к слову, – проговорит он, сплюнув в сторону. Проверить вас молокососов хотел. Зелёные вы ишо, хоть и пузыритесь, и пыжитесь, как тетерева на току.

Но разговор этот, как бы исподволь затевал каждый раз, когда Маруся бежала мимо них. А, в августе, почти перед самым отъездом ребят на учёбу, они решили обмыть это дело. Да это же святое. Так сказать, закрепить дружбу, да и, ведь видеться теперь, наверное, придётся не так часто, как теперь.

Это же не дома, в своей восьмилетке. Город, это не Семёниха. Да и не наездишься каждый выходной. Помогать дома нет охоты, а ездить для того, чтобы посидеть здесь, это не резон. Ну и, что они дети, что ли? Им по шестнадцатому годку, как ни как!

В этот раз с ними был и Гришка, брат Мишука. Они и ему плеснули винца. Настроение сразу у всех поднялось и, когда Маруся пробежала мимо их сооружения, а Дупель завёл свою шарманку, что эта молодая бабёнка могла бы развлечь их, теперь уже не показалась ни кому абсурдом.

Наоборот, у всех загорелись глаза, и появился какой – то азарт. И добавив спиртного, видно всё – таки для храбрости, они уже с нетерпением ждали возвращения Маруси назад. А, когда она появилась на горизонте (им всё было хорошо сверху видно), они встретили её уже на земле, чтобы целенаправленно совершить свой страшный умысел.

Они без предупреждения, словно дикие голодные звери накинулись на женщину. Естественно, она стала вырываться, кричать, грозиться, что пожалуется мужу. Но это, только ещё больше словно подстёгивало их и они, завязав ей глаза её же косынкой, стали насиловать её по очереди. Не участвовали в этом, лишь братья Лахины. У Мишука, хоть и нетрезвого, перед глазами стояла, почему – то его сестра Валюша и, он не смог переступить эту черту. Но Дупель сразу предупредил Мишука, что ему не отвертеться, если что. А с брата его, всё равно, какой спрос. Дурак, он и есть дурак. Да и лет ему тринадцать.

Маруся не помнила, как дошла до дома. Хорошо, хоть дом крайний, а то бы пришлось позориться перед всем селом. Весь сарафан в клочья. Да и она, просто бы, наверное, не дошла дальше. Силы оставляли её совсем. Тело всё болело, словно открытая, рваная рана, а перед глазами мелькали ставшими вдруг, какими – то зве-

риными, лица молодых мальчишек. Но тело, это одно. Совесть кричала в ней, как набат церковного колокола, когда случался на селе пожар.

Как людям глядеть в глаза? Мужу? Дочери? Свекрови со свёкром? Как жить дальше? Когда она появилась во дворе своём, у них, как раз была там её свекровь.

Женщина она строгая, но справедливая. Пришла с внучкой проверить, что да, как тут у них, зная, что невестка пошла, проведать мать. А сын на работе.

Ну, ей не нужно было рассказывать, что случилось. Она только глянула на сноху, как всё поняла без слов. Только спросила у Маруси: Кто? И услышав ответ невестки, умчалась тут же в школу. Там имелся телефон. Она немедленно позвонила в милицию, где ей разъяснили, что нужно делать, пока они приедут.

Егор, узнав от «сердобольных» односельчан о случившемся, примчался домой с работы раньше времени, кричал и грозился, убить сучку и шалаву, что опозорила его на всю округу. Я же знал, я же знал, что ты подстилка. Мало тебе меня, так ты захотела групповой секс. И с кем? С детьми. У бл. дина. Убить тебя мало, потаскуха. Но вернувшаяся мать его, так прикрикнула на сына, что он перестал оскорблять жену и ушёл в дом.

После осмотра фельдшером Маруся заперлась в бане и никого не хотела видеть. Варька сидела до самой темноты на пороге этой самой бани, пока дождалась мать и вместе с ней вошла в дом. Бабка, к тому времени накрутив хвоста сыну, чтобы он не смел, обижать Марусю и, управив их хозяйство, ушла домой. Как прошла для всех них эта ночь, осталось загадкой. А на утро приехала милиция и пошло, и поехало.

Кампания же наша преспокойно допила последнюю жидкость для придания смелости видно и ещё большей дури, после совершения такого отвратительного злодеяния, преспокойно спала себе в своём укрытии. Наутро, когда голова трещала и раскальвалась, как спелый грецкий орех, они ничего не соображали. И ни о чём не думали. И уж, конечно же, не считали себя виноватыми.

А в чём? Подумаешь, позабавились с взрослой тёткой. Замужней. Ну, была бы это девчонка нетронутая, тут ещё вопрос. А то тридцатилетняя баба, прожившая с мужиком поболее десяти лет. Тоже нам жертва. Да прокатит. Ну, побаловались по пьяни. С кем не бывает.

Но всё получилось не так, как они думали. Прямо в это утро, их отсюда и забрали всех под белы ручки и увезли в район. Заголосили тут их мамки, за матерились отцы. Да, что же это такое делается? Детей в тюрьму, за какую – то прошмандовку. И началось настоящее гонение Маруси.

Первым предал её родной муж, Егор, уйдя от неё, к разведёнке Верочке. Сказав жене, что не потерпит в своей постели шалаву первостатейную.

Хотя родители его, вплоть до проклятия со своей стороны, ругали и увещевали сына, что он не прав и полный дурак. Но, он не послушался никого и ушёл ублажать порядочную женщину, после четырёх разводов. А та и рада стараться.

Маруся не проронила ни слова. В душе была пустота, а сердце сдавил неподъёмный камень и не давал, до конца понять всю трагедию дальнейшей жизни.

На работе родители тех, кто разбил ей всю жизнь, душу – вредили ей, как только могли. Выгребали у неё весь фураж, оставив её коров голодными. Засыпали в кормушки коров песок. Лили в молоко, что она надоила воду. Доходили до вредительства животным, за которыми она ухаживала. Кричали ей в след всякие гадости. В общем, издевались, как только могли, или умели.

Единственные люди, кто поддерживал её открыто, по – настоящему это были свёкор и свекровь. Ну и, конечно же, Варька. Её огонёчек, её радость и боль, надежда и опора, её смысл жизни.

Мама её помогала, чем могла, но, ведь она была не рядышком. Приезжала к дочери, пользуясь какой нибудь оказией. И сама Маруся не бегала к ней с братом, теперь так часто, как раньше. Да она вообще не могла больше ступить на эту дорогу. Страх какой – то почти животный сковывал все её члены и вводил в ступор, от одной только мысли. Ездил она к ним, тоже очень редко теперь.

Егор не только не приходил, не встречался с ней. Село у них большое, триста дворов. Не навещал, даже дочку. Хотя, она – то в чём виновата? А ведь любил же обеих и, Марусю, и Варьку. Но видно новая метла (Верочка) оказалась очень старательной и вымела у него всю память о них.

Скоро, только сказка сказывается, да и то это зависит, кто и как её рассказывает. А у нас совсем другой жанр. Много воды утекло, пока велось расследование. Не раз, и не два пришлось Марусе ездить в район для дачи показаний. Иногда приходилось ей выслушивать и там всякие гадости в свой адрес, при встрече с родными этих тварей, что загубили её жизнь.

Но, возвращаясь, домой, она всегда получала поддержку свекрови. А то и вместе со свёкром они ждали её из района. Ни разу они не попрекнули её ни чем. Она же их продолжала называть мамой и папой и, не только в знак благодарности, именно за это. Они действительно были для неё, как родные. А уж Варьку они прямо обожали.

За те полгода, что протянулись до суда над этими нелюдями, в селе из населения образовалось, как бы два клана. Одни были против наказания – детей. Другие ждали справедливого приговора -преступникам. Чтобы повадно другим не было, да и, если отпустить это дело безнаказанно, то тут и жить спокойно нельзя. Твори, что хочешь, кто, сколько и как хочешь. У большинства ратующих за справедливость имелись дочери, но это ничего не значило. Люди хотели одного, чтобы злодеяние было наказано.

И вот наступил день суда. Суд был выездной. Прямо на место преступления. Людей собралось видимо – невидимо. Со всех близлежащих сёл и деревень ехали, шли пешком люди, посмотреть, то ли на чужую беду. То ли сам процесс был интересен. А может и, посмотрев, задуматься самим и детям своим вбить в голову, что жить нужно по совести и закону. А, если ты захотел нарушить правило законного проживания, то отвечай, как твердит буква закона.

Ну, Гришку сразу же, прямо наутро ещё из СИЗО, тогда отпустили домой. Мишука освободили здесь же. Как говорится в зале суда.

Заседали в местном сельском клубе. Все виновники в один голос подтвердили, что он с братом не участвовал в насилии. Совесть у них трезвых всё – таки осталась. Так что, Мишук отделался, можно сказать лёгким испугом, чтобы в дальнейшем – не лезть в воду, не зная броду.

Остальным судья вынес приговор – десять лет усиленного режима. Всем одинаковый срок, без обиды. Групповое, намеренное изнасилование. Пока они ждали суда, им исполнилось по шестнадцать. Дупелю дали пятнадцать, как старшему и подстрекателю к насильственным действиям. Казалось бы, суд расставил все точки над I и, теперь всем можно жить спокойно.

Но, не тут – то было. Марусе совсем не стало житья на работе. Мало того, что родители этих упырей вредили её животным, они стали нападать на неё саму физически. То в волосы вцепятся матери тех, кто насиловал её. То отцы их делают ей непристойные предложения. Нет сил у неё больше, терпеть всё это. И однажды, придя домой она за думала нехоршее.

Варьку было нестерпимо жалко, но её любят дед и баба, да и мамка с братишкой не оставят её в круговерти жизни. А она больше не может переносить всё это.

Она же живой человек. Да и не виновата она ни в чём, то, что им взбрело в пьяные их головы, сотворить такое с ней. Они загубили всю её жизнь, как семейную, так и всю в целом. А, получалось, что она же, ещё и виновата. Стала, как бы прокажённой.

Да и ведь, годы промчатся, не увидишь, как и вернуться сами изверги те, что изувечили её. Как физически, так и морально. А вдруг начнётся всё по – новой? Вернутся – то они, поди, не с курортов, или поездки по комсомольской путёвке. Урками станут они настоящими. А от таких что ждать? Только гадости.

После этого насилия врачи вынесли страшный вердикт ей самой. Больше матерью она не сможет стать никогда. Уйду из жизни, и всё прекратится, – думала Маруся. А дочь, подрастёт, поймёт, что другого выбора у меня не было. Вот дождусь, как отелится «Рябка» и покончу с собой. Жалко очень корову. Лучшая она у неё в группе. А телится очень тяжело. Без Марусиной помощи, погибнет она.

Варька была ещё подростком, но девочка смышлёная и сметливая. А тут, видно и бабка с дедом подсказывали, ну, чтобы она не оставляла мать одну. Ведь они понимали, как трудно той сопротивляться этим извергам, в образе людей. Как, только Маруся на порог дома, Варька тут, как тут от деда с бабой прибежит и стелется подолом за мамкой. Везде и всюду за ней хвостиком ходит.

И ночью даже, спит с ней. И сон у неё, не как у детей всех, крепкий, а чуткий. Словно она прожила большую часть своей жизни. Слышит дочь и, как мать плачет в подушку, и как просит бога прекратить её мучения. Но помочь, в силу своего малого возраста не может.

Маруся вскочит ночью, проведать бы «Рябку», не началось ли, Варька с ней бежит вприпрыжку. И куда сон делся её. Две недели Маруся носила страшные мысли в голове. Но, вот и любимица её отелилась. Теперь можно исполнить задуманное. Она не боялась умереть. Что тут страшного. Главное закончатся все её муки. Самое страшное жить так, как живёт сейчас она.

Загадав, якобы ей нужно попросить у свекрови ткани на платье для Варьки, она отослала дочку, к ней. За этой самой тканью. Да ты не торопись девочка моя, погостуй у стариков. Можешь, даже поночевать у них, – сказала она дочке. Соску-чались, поди, по тебе дедушка с бабушкой. Раньше ты пропадала у них, а теперь, всё дома, да дома. Пойди, пойдя родная. Уж обрадуются они тебе.

Поцеловала дочку. Погладила по волосикам, по щёчке и отпустила. Попрощась, значит. Проводила её, а сама, наревевшись вволю, стала неспеша готовиться. День летом длиннющий, да ещё, если ты встаёшь ни свет, ни заря. А завтра вставать уже и не надо. Спи вечным сном. Там и отоспишься.

Прибралась в доме, управила хозяйство. Истопила баньку, намылась. Хоть и страшной смертью готовилась она умереть, но негоже идти в мир иной грязной, – решила она.

А у Варьки беспокойно на душе, погостевала, да и домой засобиралась. Баба к ней с расспросами. Не обидели ли они её чем, с дедом – то? Ты же говорила, заночуешь у нас, а теперь домой. Да и материю я ещё не искала. Договорились ведь мы с тобой, внученька на завтра.

Но девочка была неумолима. Пойду домой и всё тут. Ну, что же, слово любимой внучки для них закон. Хоть и ещё не поздно, (да вдруг собаки), проводил дед её почти до дома, да и проследил, как она вприпрыжку добежала до калитки. И повернул назад спокойно.

Варька толкнулась в дверь, заперто. Подлезла под ворота. В доме никого нет. Прибрано всё. Она во двор. Сделала руки ковшиком, смотрит она в окно бани, а мать стоит на табурете и прилаживает верёвку к потолку. Поняла всё Варька, зачем её мать из дома спровадила, да ещё и с ночёвкой.

Выбив лопатой оконную раму, она кубарем скатилась в баню. Обняв мать за ноги, она залилась слезами, упрекая ту, что она хотела оставить её одну на этом свете. Мамочка, миленькая, родненькая, голубка моя. Ты, что же забыла? Я же скоро вырасту. Я буду тебя оберегать от всего и всех. Я помогу тебе забыть все эти твои проблемы, ты только не уходи от меня, – голосила Варька. Ну, как же ты могла о таком, даже подумать? Я отомщу всем, кто тебя обидел в этой жизни, глядя на мать, как клятву произнесла она.

И Маруся, как будто очнулась от какого – то страшного наваждения. Она вдруг страшно испугалась того, что задумала и, обняв свою девочку, прямо выскочила из бани. Больше ей никогда не приходили на ум такие мысли. Да, она ведь мать в первую очередь и, должна думать о дочке. А потом уж о своей поруганной жизни.

Затмение разума ушло навсегда. Она, как будто умерла и родилась заново. С другими мыслями, чувствами. Чтобы жить и любить.

Свекровь, видя, как не сладко приходится невестке, упросила директора школы взять её к ним уборщицей. Илья Петрович, как – то сразу согласился. И Маруся перешла работать в школу. От фермы, это даль дальняя. Село то ого – го. Младшие братья и сёстры всех этих насильников учились неплохо и родители их, почти, что в школу не казали глаз. А, что туда ходить, если дети хорошисты. Значит, учатся на четыре. Ну, конечно и тройки перепадают, да это не беда. Тройка, это государственная оценка. А, если нужда будет серьёзная, так их пригласят в школу запиской.

И получалось так, что Маруся с ними почти и не пересекалась. Так, гденибудь увидятся, два – три раза в году. В магазине ли, клубе. Но это можно потерпеть. И выходило, что она живёт, будто и не в одном с ними селе. Оно и прекрасно.

Со своей любимицей «Рябкой» она не смогла расстаться и выкупила её в колхозе в личное хозяйство. Куры, утки, гуси. Пара кабанчиков у них в хлеву. В доме кошка Буська, во дворе овчарка Кармен. Но Варька зовёт её ласково Карми. В общем, жизнь налаживалась помаленьку и у Маруси. Теперь у неё одна забота была в жизни – Варька.

А дочка её росла послушной, ласковой и примерной девочкой. Мамке своей всегда и во всём помогала. Слушалась. Могла, как взрослая присоветовать чтонибудь. В школе она училась на отлично, и родные её гордились своей дочкой и внучкой. Только отец её, так и не вернулся к ним, а пожив с Верочкой, ушёл к Танечке, а потом к Манечке. Так и колесил по селу от одной разведёнки к другой. За что родители на него очень осерчали, и дом свой, который подарили изначально ему, переписали на Марусю с Варькой.

Маруся, так больше и не захотела ни с кем связать свою судьбу, жила ради своей единственной доченьки. Время шло, жизнь менялась. Раны затягивались. Может и не настоящим струпом, но тоненькой плёночкой покрывались, это уж точно. А, если это не так, так, как же жить- то?

Ох и хороша, получилась у них девчонка! Волосы густым облаком, окутывают прекрасное личико. Светлокудрая Варька в мать, а кожа, как у отца смуглая. Глазищи смородиновые, как у бабушки Оли, мамы Маруси, до того густы фиолетом, что прямо ночью небо осеннее. Только белки с голубизной светятся, как звёзды. Ноги от шеи, грудь высокая, талия тонкая. В общем, удалась, так удалась дочка.

Хоть и внешность не самая главная, и пословица говорит: Не родись красивым, а родись счастливым. Но красота для девушки, тоже не последнее. Но Варька была ещё и умница – разумница. А значит, счастье её не должно обойти стороной. Да, точно не обойдёт. Девчонка уж больно хорошая.

Годы ведь не стоят на месте, бегут себе, не глядя у кого, какие проблемы. У кого какие радости и печали. Варька, закончив школу сельскую, на отлично, да в районе девятый и десятый класс закончила не хуже. А теперь учится там же в институте

на модельера. Хочет красиво одевать городских модниц. Да и про своих местных не собирается забывать. А чем же они хуже тех, кто ходит по асфальту? Нет, она уже привозит подружкам своим выкройки модных платьев и они за выходные успевают такие наряды смастерить, что местные кумушки диву даются.

Не иначе Варька, ты станешь министром моды, – шутят они. А может и не шутят. Варька очень рада этим их пожеланиям, но думки у неё вовсе не о том, пока. Она по – настоящему повзрослела и рассуждает совсем, как взрослый человек. Скоро истекает срок заключения тех, кто нанёс её мамочке неизгладимую рану, что так и не затянулась до конца. Так видно притёрлась, да кровь не льётся, но не более того. Ведь Варька всё видит, всё замечает.

И слова свои, что дала она мамке, будучи ребёнком, на страшном месте, не выходят у неё из головы. Мамка, мамка. Я ведь тогда не просто так сказала тебе, что отомщу. Это был не детский лепет. Это обещание было пророческим. Не в тот момент оно было дано, чтобы забыть о нём.

Она дала его на пороге возможной гибели самого родного человека для неё. И теперь негоже отступать. Она сделает всё, чтобы превратить жизнь этих упырей в ад. Пусть, только вернутся они. Она уже не ребёнок, что прячется за подолом материнной юбки.

А способ она найдёт. Она так накажет их, что мало не покажется. Но, опередив Варьку, судьба уже сама начала наказывать их. Дупель умер в медсанчасти колонии, после драки с однокамерником. Не досидев свой срок ещё шесть лет. Тот пырнул его заточкой в печень и он, захлёбываясь собственной кровью, умер на второй день, так и не придя в сознание. Обратный отчёт начался. Бумеранг возвращался на круги своя. Время шло и для хороших, и для плохих. И для тех, кто серединка на половинке.

И вот настал тот день, когда в село Семёниха вернулись четверо осужденных за изнасилование Маруси. Сидели ли они все вместе, или встретились где – то уже по пути, никто не знал. Только вернулись они все разом, на попутной машине, что была по колхозным делам в районе.

Но Маруся напрасно боялась их возвращения. Они вели себя типе воды, ниже травы. Да, даже можно сказать, глаза боялись, как следует поднять на односельчан. То ли от стыда, то ли от привычки за десять – то лет. Там голову очень не задерёшь кверху. Найдутся такие, враз опустят тебе её.

А, ведь совсем ещё молодые. Что такое под тридцать лет для мужчины? Это же только расцвет начинается. Но это, если ты не чалился десять лет на нарах. Два года по малолетке, где к тебе приставлен наставник. Потом этап и тебя перевозят, возможно, в другую часть страны, даже. Где ты начинаешь свою взрослую жизнь. Но какую? Где, даже в туалет без разрешения не сходишь. Вдруг другие обедают в это время, а тебе приспичило. Не у начальства, так у смотрящего по камере. А возможно и просто сокамерников. Это тебе не хухры – мухры и, не дома с мамкой, папкой пререкайся. Там всё не по твоему желанию.

Поесть, поспать, только с разрешения. Да проснуться утром и лечь в кровать вечером, ты можешь, когда тебе разрешит смотрящий. Сказал он спать и, хочешь ты этого, а может у тебя бессонница, ты обязан лечь и, уснуть.

Когда ты работаешь, тебя охраняют бойцы с автоматами и овчарки. И это так наст очертеет, что и уже на воле, тебе всё кажется, сейчас кто – то прокричит: отбой, или лицом к стене, а то – по вагонам. Как на этапе. И ты должен безоговорочно подчиниться. Иначе ты пожалеешь об этом. Да не один раз.

И главное, обижаться за это не на кого. Сам заслужил это. Каждый сам куёт своё счастье.

Васька Теплов (Корявый), кликуха прилипла теперь видно на века, просто панически вспоминал оскаленные пасти овчарок на этапе, и они, даже ему снились до сих пор. От чего он вскакивал на кровати, любовно приготовленной дома ему матерью. С периной, с белыми простынями. И сердце его гулко стучало готовое выскочить из груди. А в непроснувшемся ещё сознании появлялся страх, что это, вдруг явь снова.

Из шестнадцатилетнего мальчишки, пухлого, краснощёкого он превратился в бледного, худосочного молодого человека с испуганными глазами. И нервным тиком левого глаза. Только начинающий отрастать чуб, продолжал топорщиться, как в детстве. Это по всей видимости всё, что осталось в нём от того крепко сбитого, любимого родителями подростка, которому хотелось тогда взрослой свободы. И вот во что она вылилась, эта свобода. Десять лет коту под хвост. И каких лет! Самых, что ни наесть распрекрасных.

Генка Рябов (Мамон) наоборот возмужал, окреп и превратился в настоящего мужика. Юношеская худоба исчезла, и он теперь выглядел поджарым, голубоглазым волком. А почувяв силу, ему всё время хотелось, проверить её. Конечно же, там, где они отбывали, не очень – то проверишь. Там ребята ушлые. Не по одной ходке ходили туда. Сразу на перо посадят, и прощай жизнь молодая.

А жить ему хотелось и ещё как. Ведь он и не жил ещё, как следует. Не гулял с девчонкой недотрогой до зари по лугу. Не сбивал предутреннюю росу с кустов, обнимая её и целуя так, что останавливается сердце от истомы. Ушёл – Туда по дури своей. Сбил их с панталыку Дупель. И сам ушёл туда, откуда не воротиться уже никогда и ни за что. Навсегда.

Нет, Генка вслед за ним не собирается. Но, испытать себя страстно хотелось. Прямо руки чесались, как после крапивы. Подраться, что ли с кемнибудь бы. Но делать этого было ни в коем случае нельзя. Иначе снова – здорова. Воля в клеточку, небо в овчинку.

В клеточку тетрадь, в полосочку листок. В клеточку окно, в полосочку браток. В клеточке братан над листом сидит, В полосочку письмо на волю улетит.

Витька Рогов (Клуня) просто удивил всех односельчан своею подвижностью. Где и подевалась его неуклюжесть и медлительность. Теперь это был парень, как на винтах. К тому же, он стал очень общительным, в отличие от детства. Может ему,

тогда было просто лень, даже общаться с людьми, из за своей неповоротливости? Видно и правду говорит пословица – Жизнь заставит и сопатого полюбишь.

Колония сыграла свою роль с ним на пользу ему самому. Да и десять лет отсидки очень заставили подумать о дальнейшей жизни. Больше никогда и ни за что туда не попадать. Ни за какие коврижки. Нужно начинать жизнь с чистого листа и доказать людям, что он не сволочь, какой оказался по глупости своей и малолетству. Нет, он хочет стать человеком. Чтобы на него больше не показывали пальцем и не шушукались при его приближении досужие кумушки.

(Кольца) Николай Стеблов так и остался себялюбивым. Гордость и высокомерие свои пришлось видно ему заткнуть, куда положено. А вот красование собой, так и не исчезло с годами. Да и к тому же он был теперь фартовым, разбитным парнем, набравшимся опыта жизни и не, где – нибудь, в какой – то там деревне. Он был теперь блатной. А это значит, море ему по колено.

Но с виду парень он был очень даже симпатичный. Чего уж тут наговаривать. Смоляные волосы, большие пытливые голубые глаза с туманом. В селе называют такие глаза, кобелиными. Обычно, это гулящие мужики, как правило. Мужик ведь должен быть чуть – чуть красивее обезьяны. А тут ещё и аккуратный, с трепещущими крыльями нос. Чувственный рот.

Жилистый, подтянутый весь, как барс. Ну, оттуда с животом мало кто приходит. А у него и конституция к тому же была, тополь – осокорь. Дед его был в молодости точь в точь такой же.

Как – то пришёл Николай в местный магазин за куревом. Поднял вверх глаза и ахнул. С ума сойти. Перед ним стоит краса неопиcуемая. У него прямо дух перехватило. И всё его мужское естество так вздыбилось, что ему стало прямо нестерпимо больно физически.

А девушка оплатила покупки и, поблагодарив мелодичным голосом, который показался Николаю дуновением ветерка, запахом сирени, звуком свирели, упорхнула. Дробно стуча каблучками.

Чья же это картинка лубочная? – спросил он, срывающимся от волнения голосом у продавщицы, когда дыхание немного пришло в норму. И боль понемногу начала отпускать. А, да это же Варька, Маруси Новосёловой. Уборщицей в школе у нас работает. А Варька будущий модельер. Девоч наших в принцесс превращает. Что понравилась? – хохотнула она, глядя на Николая, почти такими же, как у него самого глазами. Она у нас недотрога. Принца ждёт на мерседесе, – снова хохотнула работница прилавка.

Девушка была направлена к ним в их сельскую кооперацию из потреб союза, после кооперативного училища. А у нас сегодня танцы в клубе, поведя этими глазами в сторону, – сказала продавщица. Приходите. Будет весело.

Но покупатель ничего не ответил и, забыв свои папиросы, ушёл, будто слепой. Вместо двери упёрся в притолоку, а потом долго искал ручку двери. Красавец, но,

с прибабасом какой – то, – подумала Лидочка, но всё же быстро вытащила из дамской сумочки зеркальце и проверила, всё ли в порядке с её лицом. Потом подкрасила яркой помадой губки и от нечего делать, стала наводить порядок на витрине.

Переставляя консервы, и банки с тушёной, она прокручивала в своей голове картинку с тем парнем, что только что ушёл из магазина. Ну и ладно, что с того, что он с прибабасом. Главное красавчик невиданный. Прямо королевич Елисей. Не я буду, если не захомотаю этого жениха. Жила она в Семёнихе совсем недолго и всех событий, произошедших десятков лет тому назад, просто не могла знать никоим образом. Ей в ту пору самой десять лет было от роду. Да и родилась она далеко отсюда.

Варька же, увидев Кольцу, еле сдержалась, чтобы не вцепиться ему в лицо. Всё в ней клокотало от возмущения, злости, да ненависти. Она в то время была, конечно же, девчухой – пигалицей, но хорошо помнила суд и вот эти глазюки. Конечно же, тогда они были другие. Наглые, вызывающе нахальные. А после приговора затравленные. Теперь они глядели ошарашенно. Если не сказать – ошалело. Но это были всё равно они.

Николай же шёл вроде бы домой, но, как оказалось, он очутился на берегу реки. Он так и не мог никак ни сам успокоиться, ни успокоить свою плоть. А как успокоишь и то и другое. Ведь Варька, это недосыгаемый космос. Это Эльбрус или гора Килиманджаро.

Ему в голову лезли какие – то дурацкие по его разумению слова. Он их слышал там, да в школе ещё помнится. Но все они означали, что огонь, который его вдруг обжёт с головы до пяток, затушить нельзя. От него придётся ему только сгореть и превратиться в угли. Ещё хуже, стать пеплом. Но огня, который горит в камине из его чувства не зажечь. Однозначно.

Он просидел на берегу до самой темноты, так и не успокоившись совсем и, не найдя выхода из этой обуявшей его страсти. И чувства. Причём настоящего чувства. О таком, он только мечтал там, уже там, лёжа на нарах, или работая кайлом, топором, киркой. Смотря, какую работу приходилось выполнять.

Значит, любовь есть на самом деле? – рвала сердце тоска. Но мне никогда её не достигнуть. Ведь это же Варька, а мать её – та самая Маруся. И он заплакал злыми, скупыми слезами. Да, даже не слезами. Из него будто кровь выливалась вместо этих слёз.

Давно женился младший братишка Маруси. Зовёт их с Варькой жить в свой город. Там и мамка их проживает, а Варькина бабушка Оля. Но видно ещё не время им менять местожительство. Ещё есть у них обеих дела в деревне. Вот, может, как уж закончит Варька учиться, тогда можно и подумать о переезде.

Свекровь со свёкром, тоже все уши снохе прожужжали, чтобы она продавала дом, да ехала жить к брату, да матери. Они и денег обещали ей добавить, ну, чтобы жильё там прикупить. Ведь это же город, и Варьке там найти работу раз – два плюнуть. Но она пока не соглашается.

Поедут, погостуют Маруся с дочкой у родных, и домой скорее. К свекрови со свёкром, к дедушке Мише с бабушкой Валей. К «Рябке» да «Буське», «Карми» да дому родному. Последний год полный учится Варька в своём институте. Скоро защита, да работа по профессии, которую любит она необыкновенно. Но у неё ещё одна задача и она, даже важнее, чем её будущая работа. Это её обет, который она дала много лет назад. А раз её объект обета остаётся здесь, то и ей самой пока уезжать, никуда нельзя.

Бывая на выходных дома, она прислушивается, присматривается к тем, кто много лет тому изуродовал жизнь её мамке. Да и получается ей самой тоже. Ведь она выросла без отца почти что.

Часто бывая у подружки своей Валюши Лахиной, много чего полезного узнаёт она для себя. Дружки по старой памяти встречаются иногда и много чего рассказывают Мишуку. О чём – то, вроде бы похваляясь, о многом сожалея. Но главное, в этих рассказах часто мелькают слабости всех этих горе молодцов. Им это невдомёк, а Варька всё мотает на ус.

Да и Мишук часто, бывая у них дома, помогает по мужской части. Прибить, забить, построить что либо. Рассказывает о том, как эти горе – недоумки, сами себя наказали. Он даже денег за свою помощь не берёт. Вроде, как отработывает уже то, что в тот раз был с этими дураками вместе. Иначе их не назовёшь. Сам он парень хороший и видно, поэтому судьба и сжалилась над ним. Не попал он к ним по групповой. Слава Богу.

Знает Варька уже, что Кольца сохнет по ней страшной сухоткой, но она не подаёт вида, что в курсе его болезни.

Пройдёт мимо, сверканёт на него своими глазищами и отвернётся, как будто и не заметила. А то, так скромно скажет: Ой, дядя Коля, вы сегодня что – то такой невесёлый. Не случилось ли чего?

Подружки ей, ты что обалдела? Какой же он тебе дядя? Да он на семь лет старше тебя. А она – Нет, я его не помню даже в детстве. Он лет на пятнадцать, наверное, старше меня. Вон вроде седина у него уже серебрится в висках. Поэтому дядя он мне.

Варька с подружками уже давно исчезли из вида, а у Николая всё внутри задеревенеет от её слов. А потом что – то, как будто порвётся и льётся по нутру горячее, горячее. Видно от сердца его отрываются клочья.

Но он всё равно быстро достаёт из кармана зеркало и смотрит, неужели правда седина? Да нет, всё нормально. Антрацит чуба не утратил своего цвета. Это она просто цепляет его за живое. Может и он ей небезразличен? Но, как узнаешь. По её поведению, этого не скажешь. Наоборот.

Одна мысль съедает молодого мужчину. Никогда Варька не станет его. А зачем тогда жить? Сказать бы ей, хоть, что ли о своём чувстве. Да, как это сделать? Как насмелиться? Если она вон дядей его называет.

А Варька уже многое знает о тех, кто ей позарез нужен. Знает она, что Васька боится, как огня овчарок. А Генке хочется испытать силу свою богатырскую. Да так, чтобы не сесть снова за решётку. А уж попробовать очень хочется.

Откуда она это всё знает, так земля же, она слухами полнится. Сарафанное радио работает на полную катушку. И Валюша новости приносит, хотя сама этого не знает.

Витька, тот оказался самым хитрым. Прикинулся праведником. Хочет жизнь с чистого листа начать. Якобы. Нет, Клуня, не выйдет у тебя ничего. Кишка тонка измениться. Кто там побывал, тот навеки человека в себе потерял. Да, ещё по такой позорной статье. Их говорят, даже за колючкой презирают. Насильников.

И мало кто возвращается оттуда нормальным. Большинство теряют себя там, как человека и на воле живут как отбросы.

Это лето должно всё решить. И для Варьки самой, и для тех, кто задолжал им с мамкой её. С кого же начать первым? – думала она, как – то отгоняя «Рябку» в стадо, после обеденной дойки. Как раз выходной был, и она приехала к мамке.

Коров у них пасут далеко за селом. На обеденную дойку пригоняют в само село, где каждая хозяйка забирает свою кормилицу для дойки домой. Если не все коровы дойные, то пастух гонит остальных к речке на лужок. Там они отдыхают от долгой дороги. Потом хозяйки пригоняют остальных бурёнок, уже выдоенных снова в стадо и пастух, пообедав дома, собирает их всех снова и гонит, теперь уже за реку, на выпас по неудобьям, что остаются от полой воды.

Река у них широкая, полноводная и весной разливается в иные годы километра на три. Из года в год, заливая пойменный луг. Пахать эту землю поэтому самому не получается и сельский совет, отдал этот луг под выпас личного сельского скота.

Вот Варька гонит свою бурёнку и видит, стоит Васька «Корявый» над обрывом. То ли пьяный, то ли зарядкой занимается. А «Карми» её органически не переносит, когда ктонибудь в поле её зрения машет руками. Не успела Варька и глазом моргнуть, как она стрелой рванулась в сторону Васьки.

Ну, а тому с пьяни кажется, это снова овчарки, что охраняли его в колонии. Опрокинулся он назад со страху да с восьмиметрового обрыва и свалился вниз головой. Упал в воду, где курам по колено. Сломал себе шейные позвонки и переломал руки, ноги.

Варька сразу же сбегала в ближайший пункт, где имелся телефон, и позвонила в больницу. Хоть и скорая не заставила себя долго ждать, да толку – то? Врачи сказали, что Васька теперь никогда не сможет ходить своими ногами. Бумеранг продолжал свою работу.

Июль выдался в том году таким жарким, что всё горело на корню. Если дождя не будет ещё недели две, считай, всё пропало – делились между собой односельчане. Неурожай будет однозначно, в этом никто не сомневался.

Но больше этого, люди боялись пожаров. Ведь всё кругом словно трут. Стоит молнии сверкнуть, или не дай бог дети по баловству разожгут костёр и, тогда беда всему селу. А село не одна сотня домов. Не пришлось бы идти побираться на погорелое всем этим селом.

И будто накликали сами беду. В один из вечеров разразилась такая гроза, что просто жутко было выйти на улицу. Молнии снуют, словно уток ткацкого станка, гром грохочет, а дождя нет, как нет. Того и гляди случится пожар. Сушь ведь. А тут, как на грех ударила очередная молния в хату тётки Василисы Терёхиной и запылила крыша.

Своей пожарки в селе нет. Пока это приедет пожарная команда из района, может пол села выгореть. Люди кинулись, кто с багром, кто с ведром. Тушат. Растаскивают крышу. Льют на стены, сараи, заборы. Чтобы, хоть соседние дома не занялись.

Больше всех показал себя на пожаре, кто бы вы думали? Витька «Клуня» казалось, появлялся сразу в нескольких местах одновременно. Он растаскивал крышу и, тут же нёс ведра с водой. Выгонял скотину из загона, выносил вещи из дома. В общем, метался, как угорелый.

Он был весь обожжённый. Кто – то второпях замотал ему обожжённую спину и руку прямо разорванной тут же простынёй. Но он всё равно не переставал тушить, носить, растаскивать.

Крышу ещё не затушили совсем и тут прямо ливанул, как из ведра ливень. Все бросились, теперь уже спасать вещи, что вынесли второпях из дома, боясь, что пожар наделает больше беды. Природа сама наказала людей и сама же и спасала.

Дом удалось отстоять, хоть и без крыши. Ничего, потолки помогут настелить, и крышу возведут и соседи все, да и сельский совет поможет материально. Это же стихия. От неё не спасёшься.

Пока приехали пожарные, всё уже было закончено. Им осталось, только составить акт и поблагодарить людей за то, что они выполнили с честью их работу.

Витьку и дядьку Митьку Тинина, тоже, как и Витьку, пострадавшего при пожаре, забрала скорая. Все остальные люди разошлись по домам после помощи, в определении семьи и живности тётки Василисы по соседям. Обещая той, что прямо с завтрашнего дня начнут заниматься её крышей.

Она сквозь рыдания от горя и радости одновременно благодарила односельчан и, обещая, что в долгу она не останется перед ними. Все уговаривали её, не волноваться и с неохотой уходили домой. Зная, что у этой женщины и её детей предстоит трудная ночь.

Наутро, разговоры были только про Витьку. Оказывается, человек в нём не погиб там? А значит, всё ещё может стать, что проживёт он свою оставшуюся жизнь человеком. Всё может быть. Хотя для этого, ему бы лучше уехать в другое место жить.

А здесь ему в личной жизни счастья, по всей видимости, не видать. Уж слишком плохая статья у него была. В родном селе ни одна семья не отдаст за него свою дочь. Это же нужно породниться с ним. А на такое не всяк рискнёт. Да и позор этот не выветришь, не вымоешь, не сотрёшь, даже годами. Поэтому, лучше ему уехать.

Генка «Мамон» устроился работать пастухом на колхозное стадо. На переменку с отцом своим. Мать с отцом пилят день и ночь, иди, работай. А то опять дурь в башку, какаянибудь саданёт. Участковый приезжает, устраивайся на работу. Надо-ели до чёртиков все ему.

Но со стадом хорошо, уйдешь, и никто тебе не докучает. Да и без денег надо-ело уже перебиваться. На каждую пачку папирос, бутылку пива, не говоря уже, на бутылку беленькой, нужно просить у родителей. А те стали скряги – скрягами. Всё копят ему на будущее. А что оно такое, это будущее? С чем его придётся хлебать? Может, его и нет, совсем у Генки, этого будущего. А ему хочется жить и прямо сейчас.

Ну да ничего, вот станет он, сам свою законную зарплату получать и жизнь его наладится. Повеселеет, в разы. А то, что это за жизнь у него сейчас? Ни тебе выпить с ребятами, ни побузить? Да нет, он не собирается нарушать закон. Это ему ни к чему. Чтобы снова за колючку? Нет, он этого не хочет. Просто скукота же, прямо спасу нет. А жизнь проходит.

Вон Васька. Всё, спёкся. Ну, какой он жилец теперь? Проведывал Генка его. Лежит дома в корсете. Ни двинуться, ни встать. Жалко смотреть. Уж лучше умереть, чем так – то.

Врачи ведь свой прогноз озвучили. Ходить не будет. Всё бы ничего, ноги, руки срослись. Но главное сломан седьмой шейный позвонок с нарушением спинного мозга. Вот она жизнь. Была и, нету.

А родители его самого всё о будущем галдят. Не он, Генка не дурак. Не будет он ждать этого будущего. От жизни надо брать всё, что можно и не откладывая в долгий ящик.

Вот отец его. Ну, что он видел в своей жизни, кроме хвостов коровьих? Ни тебе на курорты не съездил ни разу. Ни мотоцикла захудалого не купил. Всё копит кошину. А что она эта кошину может сделать? Вон, когда с Генкой случилась эта беда, помогла она? Хрен, да ни хрена, не помогла. Пришлось от звонка до звонка оттрубить.

Да, что там откупить его. Они с матерью к нему на свиданку всего три раза приехали, за все десять лет. Дорого, видите ли, приехать к сыну единственному пови-даться. Ну и что, что за две тысячи километров. А вдруг меня бы там убили, как Дупеля. Жмоты.

И теперь одно и слышишь от них, работай, работай. Как будто человек рождается, только для этой – то проклятой работы. Сами – то уже так и отлынивают. Полежать бы в холодке, да посидеть бы на диване.

Вот и сегодня умчался батя домой, вроде как, подправить полы ему нужно в коровнике. Да Генка – то не дурак. Знает он, какие полы ему нужны. Храпит, небось, в холодке во все тяжкие. Как же, будет он полы настилать. А ты тут корячься один, как сыч, с сотней голов.

Хорошо хоть, после дойки, пройдя своим ходом километров, пять до пастбища, эти четвероногие и рогатые устали и улеглись все скопом. Вон лежат себе, жвачку жуют. Значит, мне тоже можно прикорнуть, – подумал Генка и, накинув на куст плащ (брал, вдруг дождь) он завалился под этот самый куст и сразу же провалился в сон. Молодость, она всегда спать хочет.

Когда Генка проснулся, он увидел перед собой страшную рожу с налитыми кровью глазами и рогами в разлёт. И ещё не хорошо соображая, со сна, что к чему, он вдруг со всей мочи врезал по этой роже, уж больно руки чесались и, хотел было встать на ноги. Вот и повод узнать силушку богатырскую. Сейчас ещё разок приложусь к этой морде, – подумал он.

Но страшной мощи удар перевернул его кверху ногами, и он отлетел сразу метров на десять от куста, где лежал.

Потом его бросали, словно футбольный мяч, ещё неизвестно сколько, каждый раз, поддевая на рога, пока он не упал в глубокий ров. Это – то и спасло ему жизнь, хоть и ненадолго.

Когда вернувшийся назад отец нашёл сына, Генка был ещё действительно жив. Но, надежды, что он выживет, никакой не было. Переломанные рёбра порвали все лёгкие. Да и крови он потерял много, пока доставили его в больницу. Умер Мамон через две недели, так и не приходя в себя.

Бумеранг снова летел обратно точно в цель.

В Семёнихе поползли слухи, что судьба расставляет все точки над I. Варька же, была просто уверена, что это сбывается её клятва.

А ведь, когда Генка пришёл на работу, отец сразу предупредил его, что в стаде имеется два быка производителя. Орлик спокойный, покладистый бык. Никого и никогда не трогает. А вот Питон, этот с норовом. Не дай тебе Бог трогать его. Не терпит он этого. Но сын не послушал его и поплатился жизнью.

Кольца таки нашёл подход к Варьке. Как думал он. Радость переполняла его до краёв. Да лилась через эти края, намывая перед ним дорогу, присыпанную белым, чистым речным песком.

Такую девчонку он сумел уломать. Это тебе не фунт изюма съесть. Варька красавица из села. Да мало красавица, она и работающая, и уважительная. Да и умна не по годам. Односельчане, возрастом её матери советуются с ней по многим вопросам.

Конечно, встречались они пока тайно. Так хотела Варька. Но оно же и понятно. Ведь небезызвестная всем история была жива и от этого никуда не денешься.

Но, ведь Кольца такой мужик! Разве мимо него можно пройти, просто так, чтобы не влюбиться? Однозначно нет. И Варька не исключение. Да красавица, да умница – разумница. Но ведь, в сущности, она просто на просто баба и, этим всё сказано. Покочевряжилась чуток и сдалась.

Любит её Кольца, никто не спорит. Но балует он её, уступает ей, только пока они женихаются. Станет она законной женой, всё изменится. Он мужик, или кто? Подчиняться бабскому подолу? Нет уж.

А пока он ведёт себя, как настоящий влюблённый. Подарками заваливает. Внимания без меры. И хоть тяготится он всем этим, но чувствует, что птичка попала в сети, как следует.

Да и сам он, кажется, влип по уши, и, дожидаться вечера неважно ему прямо скажем. А увидит он Варьку и на сердце умиротворение и покой. Кажется ему, что он мальчишка ещё. И не было никакой истории печальной в его жизни. Всё хорошо и судьба подарила ему необыкновенный подарок. Который сделает его, счастливым на всю жизнь.

А Варьки много и не нужно. Главное, что он не прикасается к ней. И это самое главное в достижении её цели. Прикосновения его она не сможет вытерпеть. Накинется на него и задушит собственными руками.

Время идёт. Варьке скоро уезжать на учёбу. Да и Кольца, ведь не мальчик, чтобы играть в бириульки годами. Не может он ходить в женихах, как зелёный мальчишка. Ему перевалило за двадцать пять давно, да и не железный он, чтобы терпеть каждый вечер такие муки.

Нужно как – то ближе к делу, да и к телу вопрос подводить. Но, как сказать Варьке об этом, если он её даже за руку ни разу не взял ещё. А время поджимает. Причём у обоих. Кольца хочет жениться, Варьке нужно уезжать учиться.

И он стал, как бы намекать девушке. Ну, довольно встречаться. Пора ближе к развязке. Люди мы с тобой взрослые. Что раньше было, былём поросло. Ну, полюбили мы друг друга, так, что же тянуть кота за хвост. Может и о свадьбе пора поговорить.

А Варька и не против. Только говорит, у меня одно условие есть. Если согласишься на него, причём безоговорочно, буду твоей. Обещаю. Хочешь при свидетелях, подтверждаю это.

Ну, Кольцу уже так припёрло всё это к стене, что он согласен был на всё. Вплоть до абсурда, кажется. И он дал слово, что согласен на любое условие Варьки без свидетелей.

Но подружек Варька всё же пригласила, у неё, как раз гостили её однокурсницы из института. И они дали обещание при них друг другу. Местные подружки у неё, тоже есть. Но ведь в селе никто не в курсе их отношений.

Только Варька не спешит со своей затеей, будто аппетит нагоняет своему взрослому ухажёру. Обещание дала и уехала на неделю в свой город. Видите ли, у неё там перед учебным годом дела. А ты тут, хоть на стену лезь. И от желания, и от мысли, что же за условие она ему предьявит. Интересно ведь, хоть он и не юнец, а всё же.

Когда Варька вернулась домой, Кольца был уже просто готов на всё и вся. Чтобы не придумала эта девчонка, он выполнит беспрекословно. Да, видно, что – то детское. Ну, что такого особенного может придумать девчонка в девятнадцать лет, не выдавшая по – настоящему жизни? Так, какаянибудь несусветная ерунда. Понятно же.

А так, как она обещала сказать своё решение прямо по возвращении из района, то и шёл Кольца на встречу с ней в самом приподнятом настроении. Ведь стоит ему выполнить прихоть невесты его, и он без пяти минут семьянин, – думал молодой мужчина.

А Варька и вправду была готова на сделку. При встрече с Николаем она сказала ему, что они идут к ней домой. Мамы нет дома, и им никто не помешает в их договоре. Маруси действительно дома не было, и Кольца посчитал это хорошим знаком. Значит, Варька серьёзно решила выйти за него замуж, раз так всё подготовила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.